

слушайте, вот там стоит рюмка гипокрасу,⁷ а рядом — рюмка с лекарством, которое мне надо сегодня принять. Смотрите же, не ошибитесь». Ракан, разумеется, выпивает лекарство, а так как его приятель позаботился сделать это свадебье возможно менее неприятным, Ракан решает, что вино плохое или оно выдохлось. Он идет к мессе, но в церкви у него вскоре начинается такое расстройство желудка, что ему с трудом удается добежать до знакомых. Большой же, который выпил другую рюмку, почувствовал лишь тепло в теле и не ощутил никаких позывов. Он послал к Ракану, и тот сообщил ему, что нынче он очищает себе желудок, не тратясь на аптекаря.

Ракан, при всем том, что сам витал в облаках, рассказывал всякие лебедьлицы о рассеянности покойного г-на де Гиза. Однажды в Туре герцог де Гиз сказал ему: «Поедем на охоту». Ракан поехал и все время находился подле Герцога; а на другой день тот говорит: «Вы хорошо сделали, что не поехали: от наших собак мы ничего путного не дождались». Ракан, выслушав это, в следующий раз нарочно перепачкался, словно побывал на охоте с Герцогом. «О, вы поступили отлично, — сказал ему тот, — мы получили нынче огромное удовольствие».

Однажды, в ту пору, когда Ракан ухаживал за той, на коей потом женился и которая вышла за него только потому, что г-жа де Бельгард, по возрасту, уже не могла иметь детей и завещала поэту некоторое состояние, ему вздумалось навестить свою невесту за городом, для чего он надел платье из светло-зеленой тафты. Его слуга Никола́, который был бóльшим хозяином, чем он, говорит ему: «А ежели дождь пойдет, что станет с вашим светло-зеленым нарядом? Наденьте ваше платье из грубой шерсти, а неподалеку от замка, где-нибудь под деревом, вы переоденетесь». — «Хорошо, Никола́, — ответил Ракан, — я сделаю по-твоему, мой мальчик». Но только он начал натягивать на себя штаны в небольшом лесочке, поблизости от дома своей милой, как появилась она сама в сопровождении двух других девушек.* «О Никола́, — воскликнул он, — ну что я тебе говорил!» — «Черт возьми, — отвечал лакей, — да вы только поторапливайтесь». Его милая хотела уйти, но подружки по злобе вытолкнули ее вперед. «Мадемуазель, — сказал ей наш влюбленный, — виноват Никола́; да говори же, Никола́, а то я не знаю, что сказать».

Когда пришла очередь Ракана выступить с приветственной речью в Академии, он явился туда, держа в руках совершенно разорванный клочок бумаги. «Господа, — сказал он академикам, — я думал принести вам вступительную речь, но моя борзая сука всю ее съедала. Вот она: излечите из нее все, что сможете, ибо наизусть я ее не знаю, а копии себе не оставил». Он единственный, кто захотел получить свой диплом

* (Вычеркнута.) Заметив в каком он виде, все три громко вскрикнули и обратились в бегство.